

Ф. С. Баязитова, Г. С. Хазиева-Демирбаши

ЛЕКСИКА ОБРЯДОВ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам диалектологических экспедиций)

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
Российская Федерация, Республика Татарстан, Казань, ул. Лобачевского, 420111, 2/31

Обряд имянаречения интересен не только в этнографическом аспекте, но и архаичностью и многогранностью своего языкового кода. В данной статье на материале диалектно-фольклорных, этнографических текстов предпринята попытка этнолингвистического анализа лексики обряда имянаречения в татарском языке. В татарской традиционной культуре обряд имянаречения представляет собой совокупность древнейших ритуалов, в которых отражены архаичные лексические единицы, закреплённые также в антропонимической системе татар. В работе антропонимические единицы представлены как вербальный код в традиционной татарской культуре. Также в статье показаны различные традиции и магические верования в обрядах имянаречения. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: татарский язык, традиционная культура, обряд имянаречения, лексика, антропонимы.

VOCABULARY OF THE NAMING CEREMONIES IN THE TATAR LANGUAGE IN DIALECT, FOLK AND ETHNOGRAPHIC TEXTS

F. S. Bayazitova, G. S. Khaziyeva-Demirbash

Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Science of the Republic of Tatarstan,
2/31, ul. Lobachevskogo, Kazan, 420111, Russian Federation

The naming ceremony is of particular interest not only in the ethnographic aspect, but due to its archaic structure and diversity of the language. Based on the dialect, folklore and ethnographic texts, this article presents ethno-linguistic analysis as to what vocabulary is used in the naming ceremonies in the Tatar language. The naming ceremony, in Tatar traditional culture, is a combination of ancient rituals, which reflect archaic lexical units enshrined in the anthroponymic system of Tatars. An anthroponymic unit is approached as a verbal code in the traditional Tatar culture. The article shows different traditions and magical beliefs in rituals of naming. Refs 28.

Keywords: Tatar language, traditional culture, ceremony of naming, vocabulary, anthroponyms.

В современном языкознании особое место занимает исследование проблем этнолингвистики. В частности, изучение лексики обрядов рождения и имянаречения помогает раскрыть историю формирования обрядовой лексики языка (например, татарского и других тюркских), а также определить её связь с историей и менталитетом соответствующего этноса. Обряд имянаречения — совокупность различных ритуалов, основанных на верованиях (в том числе древнейших), отражающих концепцию человеческой души. Отличительной особенностью языкового кода обряда имянаречения является соответствующая лексика. Имянаречение сопровождается ритуалами, в которых подчеркивается тесная связь личного имени с душой человека, и в этом выражаются нравственные идеалы. Изучение обряда имянаречения и его лексики дает возможность осознать роль традиционной культуры татарского народа и определить его место в широком этнокультурном пространстве.

В отечественной науке последних десятилетий исследования этнолингвистических проблем, в частности изучение родинного обряда, обряда имянаречения и их лексики, отражены в работах С. Е. Никитиной [1993], Н. И. Толстого [1997], С. М. Толстой [2008], А. Л. Топоркова [2001], А. В. Юдина [1999], И. А. Седаковой [2007] и др. Этнолингвистические исследования в тюркском языкознании представлены работами: в турецком — М. Шакир Улкутраш [1976], Д. Аксан [2001], в киргизском — Ш. Жапарова [1992], в казахском Т. Ж. Жанузакова [1971], в башкирском А. Шайхулова [1981], Ф. Г. Хисаметдиновой [2009] и др. В конце XIX — начале XX в. изучение обрядов, связанных с рождением ребенка, с этнографической точки зрения представлено в трудах К. Фукса [1844], К. Насыри [1851], В. Я. Коблова [1902] и др. В современном татарском языкознании этнокультурная лексика обрядов рождения и имянаречения по отдельным аспектам становилась предметом научного освещения в трудах Ф. С. Баязитовой [2011], Р. К. Уразмановой [1984], Г. Ф. Саттарова [1998], Г. С. Хазиевой-Демирбаш [2014] и др. Однако до сих пор в татарском языкознании не было осуществлено комплексного изучения лексики обряда имянаречения в контексте диалектологии. В этом смысле предпринятое нами исследование восполняет в определённой мере существующий пробел.

Особенность привлекаемого к анализу материала предопределила опору настоящей работы на теоретическое исследование известного французского этнографа и фольклориста Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов» [1999], согласно которому жизнь (начиная от жизни индивида и заканчивая космическими явлениями) состоит из последовательной смены этапов (переходов). Автор обосновал свою идею, привлекая обширный материал из жизни народов всего мира, доказал универсальность явления перехода и представил их классификацию. В частности, обряд имянаречения он считает обрядом включения, в котором ребенок индивидуализируется и становится членом сообщества, т. е. включается в него [Геннеп, с. 63].

Целью данной статьи является исследование обряда имянаречения татар в этнолингвистическом аспекте. Особенности лексики обряда имянаречения рассматриваются не только в татарском литературном языке, но и в его диалектах на материале собственных полевых исследований авторов. Материалы полевых исследований диалектной лексики содержат огромный ономастический материал, который мало изучен татарскими языковедами и этнографами и до сих пор не был предметом самостоятельного комплексного изучения в этнолингвистическом аспекте.

У тюркских народов рождение ребенка сопровождалось многочисленными обрядами и действиями, генетические истоки которых восходят к их системе взглядов и верований об имени как о душе человека, о знаке — предопределении судьбы. Обычаи имянаречения и переименования запечатлены и в рунических и енисейских надгробных памятниках древних тюрков [Малов, с. 23; Кляшторный, с. 65; Кормушин, с. 113]. У всех тюркоязычных народов личное имя менялось в зависимости от статуса и титула, который давали в качестве почести после совершения человеком достойного поступка. т. е. изменение статуса и титула человека становилось причиной переименования. При этом основной компонент личного имени обычно оставался неизменным, менялся лишь привилегированный титул.

В татарских семьях обряд имянаречения представляет собой совокупность исламских традиций и местных культурных особенностей. Характерной чертой

языкового кода обряда имянаречения является его лексика, которая отличается архаизмом и многообразием. Имянаречение в татарском литературном языке именуется *исем кушу* (досл. 'религиозный обряд имянаречения'), *исем биру* (досл. 'дать имя'), *ат биру* (досл. 'дать имя'). В диалектах обряд имянаречения называется словами *ат атау* (тюм. говор), *пәпә атату* (тобол. говор), *ат кушу* (сред. д.; мишар. д., сиб. д.), *ат кушма* (баст.), *ат ушу* (кас.), *атын атату*, *ат кычкырту* (астр.; хвл.), *ат кычкырту* (чсп.), *ат кычкыру* (лмб.), *ат салу*, *исем салу*, *исем кистеру* (нукр. говор); *исем атау*, *исем кушу* (перм., лмб., серг.); *исем кушу* (глз., минз., тюм.), *азанлашу*, *азан айтү* (кр.-уф.). Как видно, диалектные названия обряда имянаречения (тат. *исем кушу йоласы*) отличаются многообразием.

Первой участницей обряда имянаречения являлась повитуха. Как известно, раньше в деревнях роженицам помогали повитухи, которые были самыми почитаемыми женщинами, знаменитыми своими знахарскими способностями. В каждой деревне их было несколько. Они не только помогали рожать, но и в течение пяти дней выхаживали новорожденного, купали его в бане. В литературном языке повитуху называют *кендек эбисе* ('пуповинная бабка'). В татарских диалектах названия повитухи отличаются разнообразием и пестротой: *эби* (сред. д., миш. д.), *эби булuchy* (сев.-нрл; сев. к.т.), *бала түрәтүче эби* (мишар. д.), *бәбәй эбисе* (чсп. дрож.), *инәкә эби*, *кендекче эби*, *кендегәе*, *мама*, *мамай*, *инәкә мама* (астрах.), *инәлек эби*, *мама*, *мамай* (сиб. диалект), *олан эбисе* (сев. крш.), *тути эби*, *бабка* (кас.), *эби тәтә* (сев.-трх.), *эбилек*, *кендергәи*, *кенддергә*, *кендергәч карчык* (том.), *кендек эби* (к.-уф.; хвл.; влг.; брб.; минз.), *кендек абасы*, *кендек мамам*, *бахсы* (астрах.); *кендек инә*, *кендекәй* (к.-уф.), *кентек инә*, *кендекче*, *кентекче*, *инәлекче* (брб.), *апнай корткайак*, *инәлек корткайак*, *инәкә* (тюм.), *оста корткайак*, *колака*, *колакам*, *колагинәм*, *инәлек нәнә* (тбл.) и др. Повитуха давала новорожденному временное имя — *кендек аты* 'пуповинное имя': «*Бала туа, исемсез тормасын, кендек аты кушалар. Мулла китерәләр дә йакишы ат кушалар. Мулла кушкан исем белән гомер итәләр. Бусы кендек исеме, э бала йакишыргач, азанчы китереп исем бирә. Ике исем бирәләр*» (букв. 'Рождается ребенок. Чтобы он долго не был без имени, его нарекают «пуповинным именем». Затем приводят муллу, нарекают «хорошим» именем»). (Мензелинский район д. Аю, инф.: Галиев Мансур, 1925 г. р.). Оставлять ребенка без имени было нельзя, поскольку по традиционным представлениям ему могли причинить вред злые духи. Так, например, в локальном варианте культуры нукратских татар бытовало поверие, что ребенка могло подменить мифологическое существо, которое называлось *эби* 'мать дома'. «*Бала тугач зак тотасы дегел, эби алыштыра аны. Ат саласы тизерәк. Өч көндән артык тотасы дегел*» (букв. 'Ребенка нельзя оставлять долго без имени, его может подменить эби. Нужно его назвать именем. Ребенка нельзя держать без имени дольше трех дней') (Слободской район, д. Нукрат, инф.: Касимова Фатиха, 1932 г. р.). Как известно, у татар есть обычай нарекать именем даже мертворожденного. Ребенок, умерший без имени, по поверьям сразу превращается в злое мифическое существо — *Атсыз* 'Безымянный'. Оставлять ребенка без имени дольше недели считается опасным, так как в таком случае «имя даст шайтан» и младенец может заболеть. Астраханские, нукратские татары нарекают именем через три дня после рождения. Татары Лямбринского и Рузаевского района Мордовской республики, пермские татары нарекают ребенка именем через семь дней после его рождения: «*Бәбә тугач, исем бирәләр бер йомадан (атна) сун*» (букв. 'Ребенка нарекают

именем через неделю') (Республика Мордовия, Лямбринский район, дер. Пензятка, инф. Мусипова Роза, 1945 г. р.; Мордовия, Рузаевский район, дер. Верхнее Урлядем, инф. Шарипова Фарида, 1937 г. р.; Пермская область, Бардымский район, дер. Танып, инф.: Чувалеева Хасия). Астраханские татары верят в то, что если ребенка долгое время не нарекают именем, то он будет беспокоиться, плакать: «*Мулланы чакыртып, ат кычкыртып алабыс. Атсыз йатса, бала йылый дилэр*» (букв. 'Пригласив муллу, нарекаем именем. Говорят, ребенок плачет без имени') (Астраханская область, Красноярский край, дер. Сеитовка, инф. Иманалиев Хамит, 1934 г. р.).

В современной татарской культуре религиозный обряд имянаречения *исем кушу*, *ат кушу*, *исем биру* проводится в домашней обстановке с приглашением муллы и почетных гостей — родственников, соседей из мужчин. Церемонию имянаречения в татарском литературном языке называют *аш* 'застолье в честь какого-либо торжества', *бэби ашы* 'застолье в честь имянаречения'. В татарских диалектах встречаются различные варианты названия: *аткушар*, *аткушар туй*, *аткушар мәжлес* (астр.), *исем ашы* (том. д.). В астраханском говоре, в зависимости от количества гостей, трапеза имянаречения бывает двух видов: *кече аткушар* 'маленькая церемония в честь имянаречения', *зур аткушар* 'большая церемония в честь имянаречения'. *Кече аткушар* — церемония, на которую приглашены только родственники «*Балага бөтен затларын китереп, туганнарын чакыртып азан чакыртып*» ('Пригласив всех родственников, прочитали молитву') (Астраханская область, Красноярский район, дер. Сеитовка, инф.: Байрамгазиева Дания, 1931 г. р.) *Зур аткушар* — большая церемония имянаречения, с большим количеством гостей: «*Зур аткушар йасадык соңында. Ирлэр, ирлэрдэн соң катыннар чакырдык. Урамга кийемнэр китерэлэр, кодагый килэде, киленнең анасы. Ул китергән кийемнэрне күрсэтэйэк булдылар*» 'Совершили большую церемонию имянаречения. Пригласили мужчин, затем женщин. Гости принесли подарки, пришли сватья, мать снохи. Демонстративно всем показывали подарки' (Астраханская область, Наримановский район, дер. Картузан, инф.: Сабитова Фатиха, 1928 г. р.).

В традиционной татарской культуре личное имя выполняет социальную, идентифицирующую, мифологическую, а также регулирующую отношения человека с природой, космосом и сверхъестественным миром функцию. Имя в диалектно-фольклорных, этнографических текстах имеет особую, отличающуюся от общезыковой специфическую «семантику», а также особую соотнесенность с денотатом.

Вторым участником имянаречения является мулла. Ему на подушке подносят ребенка. Астраханские татары закрывают лицо ребенка платком: «*Баланың битен йабып мөндәргә салып китерә*» 'Закрыв лицо ребенка, его на подушке преподносят мулле' (Астраханская область, Володарский район, дер. Тулунгановка, инф.: Мустафаева Сара, 1938 г. р.). Мулла направляет ноги младенца в сторону Мекки (Кыйбла). Стоя справа, у изголовья ребенка, он произносит азан (молитву), для того чтобы ребенок впервые услышал слово «Аллах», которого боятся шайтаны, затем стоя слева, держа руки на стороне, кричит «камэт» — выражение, сказанное до намаза. Следует отметить, что предпочтительными именами являются имена с компонентами *абд* (араб. 'раб') или *амат* (араб. 'рабыня'). «В одном из хадисов оговаривается предпочтительность наречения детей именами пророков и ангелов. Имя последнего посланника Мухаммада особенно почитаемо. Пророк Мухаммад говорил: "нарекайте моим именем...". Одним из самых распространённых имён

в мусульманском мире стало Мухаммад» [МИ, с. 4]. После этого мулла называет имя новорожденного, которое повторяет трижды в ушко младенцу. Мензелинские татары при имянаречении произносят следующие пожелания: «*Аллаһы Тәгалләгә кол булсын, пәйгамбәрәбезгә өммәт булсын*» (букв. 'Пусть будет рабом Аллаха, последователем Пророка Мухаммада') (Мензелинский район, дер. Старое Абдулкино, инф. Хакимов Гарифулла, 1935 г. р.). Если у ребенка находили на теле родимое пятно, при имянаречении опускали ложку через дымоход и нарекали именами с компонентом *миң* 'родинка': *Миңнегөл, Миңнебай, Миңнекамал* и др. «*Баланың миңе булса, жүшкәдән кашык төшереп исем кушалар ыйы. Миңнегөл, Миңнебай, Миңнекамал исемнәре кушалар ыйы баланың миңе булса*» (букв. 'Если у ребенка обнаруживали родимое пятно, опускали через печную трубу ложку, нарекали ребенка именем. Называли именами *Миннегуль, Миннебай, Миннекамал*') (Мензелинский район, дер. Аю, инф. Даулетханова Закира, 1931 г. р.).

В процессе имянаречения существовали особые правила обрядового поведения. Во время церемонии имянаречения татары, проживающие в Свердловской области, закрывали все щели, дымоход, двери, ворота, окна и др., чтобы имя не убежало, шайтаны не проникли в дом: «*Исеме сыгып китмәсен, шайтаннар-нимәләр кермәсен дип бөтен нимәне йаба торганнар ыйы, моржә-йүшкәләрне, капка-ишекләрне йабалар ыйы*» (букв. 'Чтобы имя не убежало, шайтаны прочие не проникли в дом, закрывали все щели') (Свердловская область, Нижне-Сергинский район, дер. Аракаево, инф. Губаев Салават, 1934 г. р.). В истории и этнографии многих народов печка, очаг, дымоход печи действуют как обереги, культовые места в силу их подобия с пещерой. Дымоход, кроме прочего, является как бы связующим звеном человека и космоса.

У пермских татар существует обычай одаривать муллу серебряной монетой. Серебряная монета означает пожелание ребенку силы, здоровья: «*Көмеш тәңкә кушкан "көмеш кебек нык булсын", — дип*» (букв. 'Пусть будет крепким как монета') (Пермская область, Кунгурский район, дер. Казай; инф.: Ганеева Махмуза, 1934 г. р.). Если при имянаречении ребенок начинает улыбаться, издавать различные звуки или по окончании обряда засыпает, то в этих случаях говорят, что имя ему понравилось.

В церемонии имянаречения сначала всех угощают мёдом и маслом, обряд завершают трапезой для гостей «аш». Гости, попробовавшие мёд с маслом, дарят подарки новорожденному. Завершая трапезу (аш), читают молитву (дога). В начале XX века обряд имянаречения у татар подробно описан в этнографическом труде К. Фукса: «Через три дня, на четвертый приглашают муллу для совершения религиозного обряда, при котором мулла держит ребенка на своих руках перед собою и громко кричит ему на правое ухо азан, а потом шепчет ему в левое ухо камэт, то же, что азан, и при этом дает дитяти имя. Мулле платят за это, каждый по своему состоянию, и роскошно его угощают. На этот пир приглашаются все знакомые мужчины. В продолжение нескольких дней к родильнице приходят все знакомые женщины и каждая приносит на зубок так точно, как у русских. Сверх того, привозят для новорожденного по рубашке, богатые — шелковые, бедные — ситцевые, многие дарят и одеяльца, чапашки, тубетейки и колпачки. Говорят, что богатая родильница так много получает подобных подарков, что наполняет ими порядочный величины сундук» [Фукс, с. 45]. Описание этнографического обзора XX века

Я. Д. Коблова: «Религиозное торжество сопровождается обильным угощением. Так как празднование по поводу имянаречения младенца относится к разряду больших семейных торжеств, то родители не скупятся на угощение гостей, приготавливая для этого случая все доступные их средствами кушанья. На обед почти всегда сначала подаётся лапша, бляш, нечто вроде паштета мяса, урюковый суп — точнее сироп» [Коблов, с. 7–8].

Переименование как магический прием неразрывно связан с явлением языкового табу [Толстая, с. 375], так как в ритуальном отношении личное имя выступает как осознание души, магическая сила, способность контролировать поступки, мысли своего обладателя. Существуют различные обычаи именования, переименования, связанные с верой человека в то, что имя — это часть души и с его изменением изменится и сущность самого человека. Если ребенок сильно заболел или на его теле появлялось родимое пятно, то его переименовывали. Болезнь ребенка нередко объяснялась неправильно выбранным или «испорченным» именем, поэтому перемена имени во многих тюркских традициях использовалась как средство народной медицины. В татарском литературном языке этот обычай называют *исем алыштыру* 'переименование', в татарских диалектах *исем авыштыру*, *исем алыштыру*, *исем бозу* (в сред. диалекте; в диалекте пермских татар). Заказанские татары при болезни ребёнка готовили пшённую кашу, ставили её на печку. Из печного дымохода опускали ложку и произносили магическое заклинание: «*Исемен алыштырам, Миннегол булсын. Кашык төшердем, саулыгын бирсен, дип*». (букв. 'Меняю имя, пусть её будет звать Миннегол. Опустил ложку, чтобы выздоровела') (Татарстан, Альметьевский район, дер. Бишмунча, инф.: Хузина Марьям, 1934 г. р.). Затем пшённую кашу давали птицам. Обращение человека через печную трубу означало обращение к нечистым силам. Такое действие выполнялось и при наличии у ребенка родимого пятна. Если у ребенка были родимые пятна на теле, то его называли именами с компонентами *мин (кал)* 'родимое пятно': *Миңсылу, Миңнахмэт* и др. Это действие называлось «мин боздыру» 'переименование'. Как известно, у многих тюркских народов родинка (мин) считалась «признаком счастливой судьбы». Заказанские татары кормили ребенка ложкой, выпавшей из дымохода. Нукратские татары кричали новое имя в устье печи. Дарили новую ложку повитухе [Баязитова, с. 103]. Данный ритуал проводили зимой, когда ещё снег не растаял, или же весной до наступления лета. У сибирских татар печка выполняла роль оберега. Больного ребенка или ребенка с родимыми пятнами клали в печку и кричали новое имя в дымоход (Новосибирская область, Барабинский район, дер. Ново-Курупкаевка; инф.: Аптеева Магфира, 1925 г. р.).

Пермские татары меняли имя плаксивого ребёнка: «*Сыктак булса, эйтэлэр, исеме килешми микэн, дилэр, исемен алыштырык дилэр*» (букв. 'Если плаксивый, говорят, имя не подходит, меняли имя') (Пермская область, Березовский район, дер. Чокыр, инф.: Магасупова Карима). Нукратские татары тоже прибегали к данному обычаю: «*Йылак, олан булса, исемен алыштыралар. Минем малаем Шэйхулла, исемен алыштырып кашык төшерделэр моржадан Минкэт итеп. Гөлзэмингэ Миңзифа дип исем салдырдык*» (букв. 'Если ребёнок плаксивый, то меняли имя. Моего сына зовут Шайхулла, его переименовали на Минкэт, из печной трубы опустили ложку. Гульзамин переименовали Минзифой') (Кировская область, Слободской район, дер. Нукрат, инф.: Касимова Фатиха, 1938 г. р.).

Сибирские татары вместо компонента *миң* использовали компонент *кал* 'родимое пятно': *Калыстан, Калникэ, Калы, Миңкалыши* и др. Существовал обычай, когда на место родимого пятна натирали кровь только что заколотого животного. Для этой цели в сибирских деревнях закалывали петуха: «*Калы цыккан балага курасны суйып, аның канын сөрткәле кәрэг икән*» 'Резали петуха, родимое пятно натирали кровью петуха' (Новосибирская область, Куйбышевский район, дер. Тибис; инф.: Муратова Марзия, 1940 г. р.). Кровь животного является оберегом, средством силы, связующим живой и неживой миры. Кровь выступает также как заменитель живой души, а слово, имя — как душа умершего.

Существовали обычаи, основанные на магии слова, которые давались с намерением защитить, оберечь ребенка от злых духов, нечисти. «Ономастическая магия» представлена такими способами имянаречения [Толстой, Толстая, с.365], когда выбор имени определяется не свойствами референта, а «семантикой» или мифопоэтическими коннотациями самого антропонима [Толстая, с.275]. Наиболее ярким примером являются останавливающие имена. Сибирские татары, когда в семье умирали дети, вновь родившегося нарекали именами с отглагольным компонентом *тукта-* 'остановись': *Туктар, Туктарбикэ, Туктасын*. Существует точка зрения, что эти имена давались независимо от пола ребенка, когда дети умирали один за другим. Этими именами называли, когда надо было предотвратить смерть, а в качестве магического слова выступали отглагольные компоненты: *Калсын* 'пусть останется', *Улмэс* 'не умрет', *Улмэскол* (*улмэс* 'не умрет' + *кол* 'раб'), *Яшэр* 'будет жить', *Торсынбай* (*торсын* 'пусть живёт' + *бай* 'богатый'), *Торсынай* (*торсын* 'пусть живёт' + *ай* 'луна; месяц') и др. Астраханские татары в данном случае нарекали детей именами *Сатыбал* 'купи', *Сөйөндөк* 'обрадовались', *Куwandык* 'обрадовались', *Туктар* 'остановится', *Сатыбалды* 'купил', *Туктамыш* 'остановленный', *Тимерулат* (*тимер* 'железо' + *булат* 'сталь'), *Туктагол* (*тукта* 'остановись' + *гол* 'цветок'), *Балтабай* (*балта* 'топор' + *бай* 'богатый') и др. Татары Рязанской области, чтобы ребенок не умирал, жил, нарекали именами арабского происхождения *Бакый* (МЛИ), *Бакыйа* (ЖЛИ).

Если в семье часто умирали дети, то выполняли магический обряд продажи ребенка, с целью запутать, обмануть злых духов, и называли *Сатукай* (*сату* 'продажа' + *-кай* уменьшительно-ласкательный аффикс), *Сатый* (*сат* 'продай' + *-ый*), *Сатыбал* (*сатыб* + *ал* 'купи') и др. Например, древний обряд продажи ребенка существовал у крещеных татар. Три раза кричали в окно о продаже ребенка. Говорили, что продают дешево. Хотя этот ребенок и жил далее в своей семье, его называли ребенком семьи символического покупателя. Смысл обряда продажи ребенка сводился к выкупу дитяти. Проданный ребенок становился чужим и не должен был интересовать злых духов, «озлобленных» на родителей.

На сакральной границе окна происходят «торги». По мнению носителей культуры, вынос через окно означает переход в новую жизнь, процесс обновления, а также имеет обрядово-иницированное значение. Так, пронесенный через окно ребенок становится неуязвимым. Повитуха — в роли продавца, а покупатель — обычно соседи. Символично звучит диалог между «продавцом» и «покупателем»:

- *Сатам, аламсыз? Продаю, купите?*
- *Алабыз. Хакы ничэ сум? Купим. За сколько продаешь?*

— *Биш сумнан сорыйбыз, кун сорамыйбыз. Пять рублей просим, недорого просим* (Рязанская область, Касимовский район, дер. Подлипки, инф.: Миняева Муршида, 1934 г. р.).

«Этимологическая магия» действует при наречении детей благопожелательными именами. Если в семье долгое время не было детей, то ребенка нарекали отглагольными именами, отражающими различные чувства родителей: *Куандык* ('обрадовались'), *Сагындык* ('мы тосковали'), *Соендек* ('мы умиляли'), *Юаныч* ('мы утешили'), *Табылдык* ('мы нашли') и др. [Саттаров, с. 44]. Также сибирские татары называли детей именами с компонентами *тимер* 'железо', *таш* 'камень', чтобы ребенок был крепким, сильным: *Тимергали*, *Тимербай*, *Тимерхан*, *Тимербәк*; *Таштимер*, *Ташпулат* и др. Кряшены и мензелинские татары нарекали именами с компонентом *тимер* с мотивом пожелания ребенку долгих лет жизни: *Тимергали*, *Тимершәех*, *Минтимер*, *Тимерүк* и др.

Также сибирские и астраханские татары называли ребенка в честь бабушки, дедушки, мамы или отца, но звали его не собственным именем, а именем, образованным от терминов родства. В древних татарских семьях существовал обычай называть мужа, родственников терминами родства: *аталары* / *этиләре* / *атасы* / *этисе* 'их отец' и др. [Баязитова, с. 47]. По мнению Г. Ф. Благовой, традиционно-патриархальное самосознание тюрков обусловлено разветвлённой системой родства. Соответственно целый ряд терминов родства проник в тюркскую антропониимику и закрепился в ней на многие века [Благова, с. 183]. Если ребенку давали имя матери, астраханские татары называли ребенка *Аккыз* (*ак* 'белый' + *кыз* 'девочка'), если же имя отца, то *Акбала* (*ак* 'белый' + *бала* 'ребенок'). Тобольские татары в этом случае называли *Атамац*, *Аташ* (ата 'отец'). Если ребенок был назван в честь бабушки, то его называли *Ина*, *Инакә*, *Инәч*, *Өннәкә*, *Өннәш* (локальные варианты 'мама, мать' [ТТЗДС, с. 210]), если в честь дедушки — *Олота* 'дедушка' [ТТЗДС, с. 503]. Это явление следует объяснить традиционно-патриархальным самосознанием, которое проявляется в чувстве племенной сплочённости, в уважительной памяти к предкам.

К «семантическому» (или «апеллятивному») имянаречению относятся случаи называния ребенка именами, отражающими обстоятельства его появления. В барабинском диалекте зафиксированы имена детей, образованные от названий месяца, в котором они родились: *Рамасан* (от названия месяца обязательного для мусульман поста), *Селхичә* (от названия 12-го месяца исламского календаря), *Сәфәр* (от названия 2-го месяца по мусульманскому календарю), *Рәжәп* (от названия 7-го месяца мусульманского лунного календаря), *Шәгъбан* (от названия 8-го месяца мусульманского лунного календаря), *Корман* (от названия 10-го месяца мусульманского лунного календаря), *Мәүлига* (от названия *мәүлид*, который отмечается 12-го числа третьего месяца исламского календаря). Так же барабинские татары нарекали детей именами животных, которых они видели в день имянаречения: *Торна* 'дятел', *Карга* 'ворона', *Чыпчык* 'воробей', *Буре* 'волк', *Сайыскан* 'сорока', *Эт* 'собака' и др. «*Тышка чыгып ни күрсә, аны атап куйганнар элгәре. Торна китеп барамы, карга очып барамы. Карга күрсә — Карга, чыпчык күрсә — Чыпчык, буре күрсә — Буре, эт күрсә — Эт*» 'Раньше ребёнка называли тем, что впервые видели на улице. Если видели ворону, то называли — Карга, видели воробья, называли — Чыпчык, видели волка — Буре, видели собаку — называли Эт' (Новосибирская область, Барабинский район, дер. Бакчакуль, инф.: Аптеева Магфира, 1935 г. р.).

Названия животных и различных зверей использовали также и в случаях, когда в семье умирали дети, и имя выступало в роли защитника: *Аю* 'медведь', *Буре* 'волк', *Караэт* 'черная собака', *Каракөчек* 'черный щенок'. В «звериных именах» сохраняются черты этнокультурной архаики. С утратой мифологической актуальности в современных условиях некоторые из таких личных имён претерпели метафоризацию, в результате чего превратились в имена-пожелания [Толстая, с. 182]. Например, татары, чтобы новорожденный был крепким, сильным, зорким, мужественным, называли его именем *Арслан* 'лев'. Широкое распространение среди татар и башкир получили личные имена, в основе которых — название собаки (эт). Например, в именах *Этул* (*эт* 'собака' + *ул* 'сын'), *Эткөчек* (*эт* 'собака' + *көчек* 'щенок'), *Этжигәр* (*эт* 'собака' + *жәгәр* 'запряжет' 'будет запрягать') и др. основным образующим имя компонентом является «эт». Ономатолог А. Г. Шайхулов объясняет это явление целым рядом религиозных представлений о данном животном [Шайхулов, с. 13]. В этнографической литературе собака описывается как атрибут магических обрядов у многих народов. В основном собака ограждает новорожденного от преждевременной смерти.

Личное имя в традиционной татарской культуре способствовало утверждению желаний родителей, предков; заключало в себе информацию о внешнем мире, выполняло функцию отождествления с внешним миром, природой (давали имя, соответствующее времени, событиям, мечте и т. д.); раскрывало способы поклонения духам предков; являлось преумножением положительного в мире; играло роль оберега, обмана смерти и улучшения судьбы. Татарская антропонимия испытывала сильнейшее влияние мусульманской культуры; это касается как словника (состава, корпуса, набора) имён, так и узуса, однако она во многом сохранила почти до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное до-мусульманской мифопоэтической традиции.

Рассмотрение обрядовой лексики имянаречения на фоне самого обряда помогло выявить основные этнолингвистические характеристики этого обряда, его ритуальные символы и их отражение в языке. В зависимости от отражения различных явлений действительности лексику обряда имянаречения можно разделить на следующие группы: обрядовые акты и комплексы, действия (*исем кушу*, *ат кушу*, *исем биру*, *мин боздыру*, *исем алыштыру*), участники обряда (*эби* (ср. д., миш. д.), *эби булучы* (сев.-нрл; сев. к. т.), *бала турәтүче эби* (миш. д.), *бәбәй эбисе* (чст.; дрож.), *инәкә эби*, *кендекче эби*, *кендегәе*, *мама*, *мамай*, *инәкә мама* (астр.), *мулла* и др.); обрядовые предметы (*моржа*, *жушкә*). Обряд, связанный с рождением, сохраняет следы материальных и духовных традиций татар в общетюркской культуре, в которой обрядовая структура, символы, предметы, функциональная сущность связаны с пониманием окружающего мира. Диалектное многообразие лексики имянаречения свидетельствует о сохранении в обряде древних традиций. Некоторые обрядовые названия не существуют в современном литературном языке, однако сохранены в диалектах татарского языка. Обряды, связанные с имянаречением ребенка, выступают в качестве стабилизирующего начала в функционировании и развитии этноса, которое проявляется в трансмиссии этнокультурного наследия.

Условные сокращения:

ср. д.	— средний диалект
астр.	— астраханский говор (Волгоградская и Астраханская области)
баст.	— бастанский говор (Рязанская область)
глз.	— глазовский подговор нукратовского говора (Удмуртия)
дрож.	— дрожжановский говор
злт.	— златоусовский говор (Башкортостан)
кас.	— касимовский говор (Рязанская область)
крш	— говоры крещёных татар
кр.-уф.	— красноуфимский говор (Свердловская область)
менз	— мензелинский говор (Татарстан и Башкортостан)
перм.	— пермский говор (Пермская область)
миш. д	— мишарский диалект
влгг.	— волгоградский говор (Волгоградская и Астраханская область)
лмб.	— лямбирский говор (Мордовия)
сев. крш.	— подберезинский говор (Татарстан: Нагорная сторона)
чст.	— чистопольский говор (Татарстан и Самарская область)
хвл.	— хвалынский говор (Ульяновская область)
чст. крш.	— чистопольско-кряшенский говор (Дрожжановский, частично Буинский районы Татарстана и Чувашии)
сиб. д.	— сибирские диалекты
тюм.	— тюменский говор (Тюменская область)
тбл.	— тобольский говор (Тюменская область)
том. д.	— томский диалект (Томская, Кемеровская области)
брб. д.	— барабинский диалект (Новосибирская область)
ЖЛИ	— женские личные имена
МЛИ	— мужские личные имена
МИ	— мусульманские имена

Литература

- Баязитова Ф. С.* Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көнкуреш һәм йола терминологиясе, фольклор. Казан: Дом печати, 2006. 240 б.
- Баязитова Ф. С.* Халык традицияләре лексикасы: бишек туе (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында). Казан: ИЯЛИ, 2012. 331 б.
- Баязитова Ф. С.* Татар теленең зур диалектологик сузлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 с.
- Благова Г. Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 180-191.
- Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр.. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
- Давлетшин Г.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.
- Жанузаков Т. Ж.* Обычаи и традиции в казахской антропониимии // Этнография имен. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 100–103.
- Жапаров Ш.* Кыргызская антропонимика. Бишкек: Илим, 1992. 188 с.
- Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука, 1964.
- Коблов Я. Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Казань: Тип. ун-та, 1908. 50 с.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л., 1951. 451 с.
- Мусульманские имена.* Словарь-справочник. СПб.: Диля, 2007. 448 с.
- Насыири К.* Сайланма эсэрләр. Ике томда. Беренче том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 339 б.

Саттаров Г. Ф. Отглагольные антропонимы в татарском языке // Ономастика Поволжья (материалы конференции по «Ономастике Поволжья»). Вып. 3. Уфа, 1973. С. 41–49.

Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар: родинный текст. М.: Индрик, 2007. 428 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008. 528 с.

Толстой Н. И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. 520 с.

Топорков А. Л. Антропонимическое пространство Олонецкого сборника заговоров XVII века // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М. 2001. Ч. 2. С. 126–131.

Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. Историко-этнографическое исследование. Казань: Татар. кн. из-во, 1984. 144 с.

Фукс К. Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношении. Сочинение действительного статского советника К. Фукса. Казань: Университетская типография, 1844. 131 с.

Хазиева-Демирбаш Г. С. О некоторых особенностях функционирования современных татарских личных имён (по материалам ЗАГСа г. Казани 2002–2012 гг.) // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Уральский университет. № 2 (17), 2014. С. 93–99.

Хазиева-Демирбаш Г. С. Основные тенденции развития современных татарских личных имен начала XXI века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 177–187.

Хазиева-Демирбаш Г. С. Татарские мужские личные имена конца XVI — начала XVII в. в диахроническом аспекте (по материалам писцовых книг Казанского уезда (1602–1603, 1647–1656 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. Т. 152. Кн. 6. С. 52–60.

Хисаметдинова Ф. Лечебная и охранительная магия башкир (тексты). Уфа, 2009. 340 с.

Шайхулов А. Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Уфа, 1983. 72 с.

Юдин А. В. Русская народная духовная культура. М.: Высшая школа, 1999. 333 с.

Şakir Ülkütaşır M. Türküye Türklerinde Ad Verme İle İlgili Gelenek ve İnançlar I Uluslararası Türk Folkloru Kongresi Bildirileri. Gelenek-Görenek ve İnançlar IV Çilt. Ankara, 1976. S. 369–384.

Для цитирования: Баязитова Ф. С., Хазиева-Демирбаш Г. С. Лексика обрядов имянаречения в татарском языке (по материалам диалектологических экспедиций) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 99–111.

DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.209

References

Bayazitova F. S. *Nokrat sojleshe. Rukhi miras: gaile-konkuresh hem jola terminologiyase, folklor [Nokrat Dialekt. Terminology family traditions, folklore]*. Kazan, Dom pechati Publ., 2006. 240 p.

Bayazitova F. S. *Khalyk tradiciyalere leksikasy: bishek tue (jola h m folklor tekstlary yasslygynda) [The traditional vocabulary: the country (in the folklore and traditions of materials)]*. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2012. 331 p.

Baiazitova F. S. *Tatar telenen zur dialektologik suzlege [Great dialectic dictionary]*. Kazan, Tatar Book Publ. House Publ., 2009, 839 p.

Iagova G. F. K kharakteristike tipov rannetyurkskikh antroponimov [On types of Early Turkic anthropoms]. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1998, vol. 4, pp. 180–191. (In Russian)

Gennep A. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov [Rites of Passage: Systematic Study of the Rites]*. Transl. from French by I. V. Ivanova, L. V. Pokrovskaja. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1999. 198 p. (In Russian)

Davletshin G. *Ocherki po istorii dukhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitiie) [Essays on history of spiritual culture of the ancestors of Tatars]*. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2004. 431 p. (In Russian)

Zhanuzakov T. Zh. *Obychai i traditsii v kazakhskoi antroponimii [Customs and traditions in Khazakh anthroponymy]. Etnografiia imen [Ethnography of names]*. Eds V. A. Nikonov, G. G. Stratanovich. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 100–103. (In Russian)

Zhaparov Sh. *Kyrgyzskaia antroponimika [Kyrgyz Anthroponomy]*. Bishkek, Ilim Publ., 1992. 188 p. (In Russian)

Kormushin I. V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia [Turkic Yenisei epitaphs: Texts and research]*. Moscow, Nauka Publ., 1997. 303 p. (In Russian)

Kliashtornyi S. G. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki* [Old Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 215 p. (In Russian)

Koblov Ia. D. *Religioznye obriady i obychai tatar magometan (pri narechenii imeni novorozhdenno-mu, svadebnye obriady i pokhoronnye)* [Religious customs and rituals of the Mohammedan Tartars (Naming newborn, wedding and funerals)]. Kazan, Tipo-litografiia Imperatorskogo Univ. Publ., 1908. 50 p. (In Russian)

Malov S. E. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti: teksty i issledovaniia* [Monuments of the Old Turkic writing tradition: Texts and research]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1951. 452 p. (In Russian)

Musul'manskie imena. Slovar'-spravochnik [Muslim names: Dictionary]. St.-Petersburg, Dilia Publ., 2007, 448 p. (In Russian)

Nasyjri K. *Sajlanma eserler. Ike tomda. Berenche tom* [Selected works. In two volumes. Volume one]. Kazan, Tatar book publishing house Publ., 1974. 339 p. (In Tatarian)

Sattarov G. F. Otlagol'nye antroponimy v tatarskom iazyke [Anthroponyms derived from verbs in Tatar]. *Onomastika Povolzh'ia (materialy konferentsii po «Onomastike Povolzh'ia»)* [Onomastic of the Volga region. Proceedings of the III Conference "Onomastic of the Volga Region"]. Ufa, Bashkirskii State Univ. Publ., 1973, vol. 3, pp. 41–48. (In Russian)

Sedakova I. A. *Balkanskie motivy v iazyke i kul'ture bolgar: rodninyi tekst* [Balkan motives in the language and culture of the Bulgarians: Text]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 430 p. (In Russian)

Tolstaia S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshch斯拉vianskoi perspektive* [Space of a word: Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russian)

Tolstoi N. I. *Izbrannye trudy. T. I. Slavianskaia leksikologiya i semasiologiya* [Selected works. Vol. I: Slavic lexicology and semasiology]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1997. 520 p. (In Russian)

Toporkov A. L. Antroponimicheskoe prostranstvo Olonetskogo sbornika zagovorov XVII veka [Anthroponomic space of the Olonets collection of spells in XVII Century]. *Imia: vnutrenniaia struktura, semanticheskaia aura, kontekst* [Name: Inner Structure, Semantic Aura, Context]. Abstracts of Papers. Moscow, In-t slavianovedeniia Akademii nauk Publ., 2001, vol. 2, pp. 126–131. (In Russian)

Urazmanova R. K. *Sovremennye obriady tatarskogo naroda. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Modern rituals of Tatars: Historical and ethnographical research]. Kazan, Tatar book publishing house Publ., 1984. 144 p. (In Russian)

Fuks K. *Kazanskie tatar, v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniakh. Sochinenie deistvitel'nogo statskogo sovetnika K. Fuksa* [Kazan Tatars: Statistics and ethnography]. Kazan, Univ. Publ., 1844. 131 p. (In Russian)

Khazieva-Demirbash G. S. O nekotorykh osobennostiakh funktsionirovaniia sovremennykh tatarskikh lichnykh imen (po materialam ZAGSa g. Kazani 2002–2012 gg.) [How modern Tatar personal names function (Data of the Civil Registry Office in Kazan 2002–2012)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2014, vol. 2 (17), pp. 93–99. (In Russian)

Khazieva-Demirbash G. S. Osnovnye tendentsii razvitiia sovremennykh tatarskikh lichnykh imen nachala XXI veka [Main trends in the development of the Tartar personal names in early XXI century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnykh nauk* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2014, vol. 156, no. 5, pp. 177–187. (In Russian)

Khazieva-Demirbash G. S. Tatarskie muzhskie lichnye imena kontsa XVI — nachala XVII v. diakhronicheskoi aspekto (po materialam pistsovykh knig Kazanskogo uezda (1602–1603, 1647–1656 gg.)) [Tatar male personal names in late XVI-early XVII centuries in the diachronic perspective in property record books of Kazan Uezd (1602–1603, 1647–1656)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2010, vol. 152, no. 6, pp. 52–60. (In Russian)

Khisametdinova F. *Lechebnaia i okhranitel'naia magiia bashkir (teksty)* [Healing and defensive magic of the Bashkirs: Texts]. Ufa, 2009. 340 p. (in Russian)

Shaikhulov A. G. *Tatarskie i bashkirskie lichnye imena tiurkskogo proiskhozhdeniia* [Tatar and Bashkir personal names of the Turkic origin]. Ufa, Bashkirskii State Univ. Publ., 1983. 72 p. (In Russian)

Iudin A. V. *Russkaia narodnaia dukhovnaia kul'tura* [Russian folk spiritual culture]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1999. 333 p. (In Russian)

Şakir Ülkütaşır, M. *Türkiye Türklerinde Ad Verme İle İlgili Gelenek ve İnançlar. I Uluslararası Türk Folkloru Kongresi Bildirileri* [Turkey Turk Related Traditions and Beliefs in Export Name. In: II International Congress of Turkish Folklore]. Vol. IV. Gelenek-Görenek ve İnançlar [Traditions and beliefs]. Ankara, Kültür Bakanlığı MFAD Yayınları Publ., 1976, p. 369–384.

For citation: Bayazitova F. S., Khaziyeva-Demirbash G. S. Vocabulary of the Naming Ceremonies in the Tatar Language in Dialect, Folk and Ethnographic Texts. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 99–111. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.209

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2014 г.,
рекомендована в печать 26 октября 2015 г.

Контактная информация:

Баязитова Флёра Саидовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник;
guzhaz@mail.ru

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна — кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник; guzhaz@mail.ru

Bayazitova Flera S. — Doctor of Philology, Leading Researcher; guzhaz@mail.ru

Khaziyeva-Demirbash Guzaliya S. — PhD, Senior Researcher; guzhaz@mail.ru